

The background of the cover is a photograph of a dark, weathered wooden house. A central window has a white frame and is divided into two panes. In the right pane, a pale, ghostly face is visible, looking directly at the viewer. The house is surrounded by snow and bare trees, suggesting a cold, winter setting. The overall mood is dark and mysterious.

АНА ФЛИККЕР

сборник мистических рассказов

ВЗГЛЯД ИЗ ТЕМНОТЫ

18+

Ана Фликкер

Взгляд из темноты

<https://litres.ru/74507399>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда гаснет свет и ты остаёшься один на один с тишиной, ты чувствуешь это? Из темноты старого дома, из зазора в приоткрытой двери — за тобой наблюдают.

«Взгляд из темноты» — это коллекция леденящих кровь мистических рассказов. Это истории о тех, кто живёт за гранью нашего понимания, о существах, которые видят нас, когда мы отворачиваемся. Они невидимы при свете дня, но во тьме их присутствие осязаемо.

Они терпеливы. Они рядом. И теперь они знают, что вы смотрите на них.

Эти рассказы заставят вас проверять замки и оставлять свет включённым. Готовы ли вы встретиться с тем, что скрывается во тьме?

Содержание

Смотрящий	5
Холст цвета ночи	18
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ана Фликкер

Взгляд из темноты

Смотрящий

Долги загнали Владимира в угол. Кредиторы звонили каждый час, их голоса с каждым днем теряли остатки вежливости, сменяясь откровенными угрозами. Бывший партнер по бизнесу растворился в неизвестности вместе с деньгами, оставив Владимира один на один с пугающими цифрами в банковских выписках. Пришлось продать машину, заложить квартиру матери и переехать в дешевую съемную комнату на окраине. Но этого оказалось недостаточно. Деньги требовались постоянно, а нормальную работу с такой кредитной историей найти было невозможно. Вакансия ночного сторожа в частном охранном предприятии стала единственным спасательным кругом.

Собеседование заняло ровно пять минут. Грузный начальник охраны с золотым зубом и запахом дешевого табака не смотрел в резюме. Ему требовался человек без вредных привычек, готовый сидеть на удаленном объекте и не задавать лишних вопросов. Платили наличными, раз в неделю. Владимир согласился не раздумывая.

Объект находился в тридцати километрах от города. Это был старый, законсервированный еще в начале девяностых годов научно-исследовательский институт. Массивное бетонное здание в форме буквы «П» возвышалось посреди пустыря, окруженное высоким забором с ржавой колючей проволокой. Вокруг рос мертвый, высохший лес. Никаких жилых домов, никаких заправок или магазинов поблизости.

Только серая лента разбитой асфальтовой дороги, уходящая в туман.

Начальник охраны привез Владимира на место поздним вечером. Они миновали тяжелые железные ворота и подошли к пристройке, прилепившейся к главному фасаду института. Это была комната охраны. Внутри пахло застарелой пылью, озоном от старой электроники и сыростью. Узкая кушетка, колченогий стол, электрический чайник и массивная панель с девятью пузатыми мониторами. Экраны транслировали черно-белое зернистое изображение с камер внутреннего наблюдения.

— Твоя задача простая, — прохрипел начальник, бросая на стол связку ключей. — Сидишь здесь с восьми вечера до восьми утра. Дверь закрываешь на засов изнутри. Наружу без нужды не выходишь. Внутрь комплекса не суешься. Там половина перекрытий сгнила, провалишься в подвал — костей не соберем. Смотришь в мониторы. Увидишь малолеток или мародеров — жмешь тревожную кнопку, мы пришлем группу. Понял?

Владимир кивнул. Условия казались идеальными. Тепло, тихо, можно читать книги или спать урывками. Начальник уехал, бросив на прощание короткий взгляд на старые мониторы, и Владимир остался один. Тяжелая металлическая дверь с лязгом захлопнулась, отрезая Владимира от внешнего мира. Он взялся за массивный стальной рычаг засова и с усилием толкнул его вправо. Засов шел туго, проскре-

бая скопившуюся в пазу многолетнюю ржавчину и застывшую смазку. Раздался глухой щелчок. Рычаг встал, пройдя лишь наполовину своего привычного пути. Владимир дернул дверь на себя — она сидела намертво. Посчитав, что замок закрыт надежно, он отступил на шаг и вернулся к мониторам.

Первая ночь прошла в вязкой, тяжелой тишине. Владимир изучал расположение камер, пытаясь запомнить планировку мертвого здания. Первый экран показывал главные ворота и кусок разбитой дороги. Второй и третий транслировали внешний периметр. Остальные шесть смотрели внутрь института. Четвертый монитор — огромный центральный холл с остатками мозаики на полу. Пятый — длинный коридор первого этажа, уходящий в темноту. Шестой — лестничная клетка, заваленная строительным мусором. Седьмой — вход в подвальные помещения. Восьмой — заброшенный архив с покосившимися стеллажами. Девятый, самый темный и рябящий, показывал технический этаж под самой крышей.

Время тянулось медленно. Владимир пил горький растворимый кофе, листал старую газету, найденную в ящике стола, и периодически бросал взгляды на экраны. Внутри здания царил абсолютный мрак, разрезаемый лишь тусклым светом дежурных ламп. Камеры работали в ночном режиме, заливая картинку зеленоватым, фосфоресцирующим свечением. Никакого движения. Только пыль кружилась в объективах, создавая иллюзию снегопада. Тишина была плотной,

осязаемой. Она давила на уши, заставляла прислушиваться к собственному пульсу. Здание иногда издавало звуки: скрипели старые балки, гулял ветер в вентиляционных шахтах, капала вода. Владимир убеждал себя в естественности этих звуков. Это просто старый бетон. Просто законы физики.

Вторая и третья смены слились в единую рутину. Днем Владимир спал в своей холодной комнате, вечером садился на пригородный автобус, шел пешком от трассы до объекта и запирался в камере. Одиночество начало сказываться на нервах. Мозг, лишенный внешних раздражителей, начинал играть с ним в злые шутки. В темных углах мониторов мерещилось движение. Глаза уставали от зеленоватого мерцания экранов. Камеры были старыми, аналоговыми. Сигнал часто пропадал. Изображение дергалось, покрывалось горизонтальными полосами статических помех, а затем возвращалось. Владимир привык к этому ритму. Вспышка помех — чистое изображение — снова вспышка.

На четвертую ночь начался мелкий, морозящий дождь. Капли барабанили по железной крыше будки, создавая монотонный фоновый шум. Владимир сидел на кушетке, укутавшись в старый плед, и смотрел на девятый монитор. Технический этаж. Самая дальняя точка комплекса.

Камера показывала длинный узкий коридор с трубами под потолком. В самом конце этого коридора, возле глухой бетонной стены, появилось темное пятно. Владимир придвинулся ближе к экрану. Пятно было высоким, вытянутым, аб-

солютно черным, не пропускающим даже тусклый инфракрасный свет камеры. Оно сливалось с тенями от труб, но имело четкие, неестественные очертания. Очень длинное туловище. Тонкие, висящие вдоль тела конечности. Непропорционально маленькая верхняя часть, заменяющая голову.

Владимир протер глаза руками. Усталость брала свое. Он налил крепкий кофе, выпил его залпом, обжигая горло, и снова посмотрел на экран. Пятно оставалось на месте. Это могла быть старая тряпка, кусок изоляции, отвалившийся от трубы, или просто дефект древней матрицы камеры. Владимир откинулся на спинку стула. Логика подсказывала самые простые объяснения. Он запретил себе паниковать. В конце концов, это закрытый объект. Двери заварены. Окна забраны решетками. Внутри никого нет.

Внезапно девятый монитор мигнул. По экрану пробежала волна серых телевизионных помех. Раздался короткий треск из встроенного динамика. Секунда абсолютного «белого шума», заполнившего квадрат экрана. Затем картинка дернулась и стабилизировалась.

Владимир замер. Темная фигура исчезла от дальней стены. Коридор технического этажа был пуст.

Он облегченно выдохнул. Точно, сбой матрицы. Причуда старой техники. Глюк видеокарты. Он отвернулся от экранов, намереваясь заварить еще кофе. Взгляд скользнул по соседним мониторам.

Восьмой монитор. Заброшенный архив.

Прямо между полуразвалившимся стеллажами с истлевшими папками возвышалась та же черная фигура. Она стояла чуть ближе к объективу. Размытые края поглощали свет дежурной лампы. Никаких деталей лица, никакой одежды. Просто контур, вырезанный из окружающей темноты. Существо стояло абсолютно неподвижно, опустив длинные конечности до самых колен.

Сердце Владимира пропустило удар и забилось с бешеной скоростью. Холодный пот выступил на лбу. Восьмой монитор снова покрылся серой рябью. Экран прошипел помехами две секунды и очистился. Картинка архива стала пустой.

Седьмой монитор. Вход в подвал.

Фигура уже стояла на лестничной площадке, прямо перед железной дверью подземного яруса. Она стала еще крупнее. Существо не шло по коридорам и не спускалось по лестницам в привычном смысле — оно преодолевало расстояния мгновенно, используя секунды слепоты камер.

Владимир судорожно потянулся к телефону. Нужно звонить начальнику. Нужно вызывать группу. Он схватил трубку, набрал номер начальника охраны. В динамике раздались короткие гудки. Нет сети. Сотовая вышка находилась слишком далеко, а бетонные стены здания глушили слабый сигнал. Он бросил телефон на стол. Паника начала затапливать сознание. Дыхание стало прерывистым.

Седьмой монитор мигнул. Полоса помех разорвала изображение. Экран заполнился шипящим снегом. Когда зелено-

ватая картинка вернулась, площадка перед подвалом оказалась пустой.

Шестой монитор. Лестничная клетка между вторым и первым этажом.

Фигура стояла на пролете. Она заполнила собой половину кадра. Камера смотрела на нее сверху вниз, но даже под таким углом был виден чудовищный рост существа. Темный силуэт стоял лицом к камере. Или тем местом, где должно было находиться лицо. Владимир вдруг почувствовал тошноту. Взгляд существа, не имеющего глаз, проникал сквозь объектив камеры, сквозь экран прямо в душу.

Оно не двигалось в кадре. Оно замирало, фиксировало свое положение, заставляя наблюдателя сходить с ума от неподвижности. Существо перемещалось только в те краткие мгновения, когда камеры теряли сигнал. Оно использовало сбои техники как мосты между пространствами. С каждым морганием аппаратуры оно преодолеvalo десятки метров по темным коридорам, неумолимо приближаясь к первому этажу. К главному холлу. К комнате охраны.

Владимир вскочил со стула. Он бросился к тяжелой металлической двери и проверил засов. Массивный стальной рычаг надежно сидел в пазу. Дверь невозможно выбить снаружи. Комната была крепостью. Безопасной зоной.

Он вернулся к пульту. Шестой монитор замигал. Помехи исказили изображение, превратив лестничную клетку в хаос пикселей. Владимир вцепился пальцами в край стола. Ко-

стяжки побелели. Картинка восстановилась. Лестница была пуста.

Пятый монитор. Длинный коридор первого этажа.

Существо стояло в двадцати метрах от входа в центральный холл. Камера снимала его сбоку. Тонкое туловище сливалось с тенью от массивной бетонной колонны. Вытянутые руки висели плетью. Существо стояло в профиль, направив безликую голову в сторону холла.

Владимир перестал дышать. Он понимал алгоритм. Понимал неумолимую логику этого кошмара. Существо идет за ним. Оно знает, где находится охранник. Оно целенаправленно спускается вниз, прокладывая маршрут через зоны охвата камер.

Что будет, когда оно дойдет до двери? Сможет ли стальной засов остановить нечто, не подчиняющееся законам физиологии? У существа не было мышечной массы, не было привычной анатомии. Это был концентрированный мрак, принявший форму человека.

Пятый монитор моргнул. Секунда статики.

Владимир закричал, не в силах сдержать животный ужас. Звук собственного голоса отразился от стен тесной каморки, ударил по ушам.

Пятый монитор показал пустой коридор.

Четвертый экран. Центральный холл. Главное помещение комплекса, отделенное от комнаты охраны лишь одной дверью.

Оно стояло там. Прямо по центру холла. Высокая, черная фигура возвышалась над разбитой мозаикой пола. Камера в холле располагалась прямо над дверью в комнату охраны и смотрела вглубь помещения. Фигура стояла лицом к объективу, глядя прямо на дверь. Расстояние сократилось до десяти метров. Владимир видел искаженные, неровные края силуэта. Они постоянно дрожали, словно впитывая скудный свет дежурной лампы, делая пространство вокруг себя еще темнее.

Счет шел на секунды. Следующая вспышка помех станет последней. Следующий сбой камеры перенесет сущность прямо под дверь.

Владимир отшатнулся от экранов. Он забился в самый дальний угол комнаты, вжался спиной в холодную стену. В руке он судорожно сжимал тяжелый металлический фонарь, понимая абсолютную бесполезность этого оружия. Холодный пот заливал глаза. В груди горел пожар. Сердце билось о ребра с такой силой, что причиняло физическую боль.

Он смотрел на четвертый монитор из своего угла. Камера в холле работала стабильно. Минута. Две. Три. Фигура не двигалась. Она ждала. Ждала естественного сбоя системы. Ждала момента слепоты.

Владимир молился всем богам, которых мог вспомнить. Он умолял старую электронику продержаться до утра. Умолял провода не коротить. Он обещал себе уволиться прямо завтра, уехать из города, забыть про долги, скрыться в лесах,

если только эта ночь закончится благополучно.

Напряжение в комнате стало невыносимым. Воздух загустил, приобрел металлический привкус озона и страха. Люминесцентная лампа под потолком комнаты охраны начала тихо гудеть. Этот звук ввинчивался в мозг, разрушая последние остатки самоконтроля.

Четвертый монитор мигнул.

Экран залило белым шумом. Статика зашипела из динамиков громче обычного, превращаясь в зловещий, нечеловеческий шепот. Изображение дергалось, сопротивляясь поломке. Сквозь помехи Владимир увидел, как черная фигура сделала невозможный, мгновенный рывок вперед. Она не сделала шага. Она просто исчезла с центра холла и появилась прямо под камерой. Огромное, безликое черное пятно полностью перекрыло объектив.

Экран погас.

В ту же секунду погасла лампа под потолком. Комната охраны погрузилась в темноту. Обесточилось всё здание. Исчезло гудение трансформаторов, остановились настенные часы. Единственным источником света оставались бледные зеленоватые прямоугольники мертвых мониторов, лишенных сигнала. «Нет связи», — светилось на девяти экранах.

Владимир перестал дышать. Он вжимался в угол, сливаясь со стеной, пытался стать невидимым. Рука, сжимающая фонарь, онемела от напряжения. Он боялся включить свет — боялся выдать свое присутствие.

За стальной дверью раздался звук.

Тяжелый, влажный шаг. Шарканье по бетонному полу. Некто подошел вплотную к металлической преграде.

Владимир зажал рот свободной рукой, чтобы не закричать. Слезы отчаяния текли по щекам. Он слышал дыхание существа. Глухое, сиплое, прерывистое дыхание, проникающее сквозь щели в дверном проеме. Существо стояло там, отделенное от него лишь сантиметрами стали.

В наступившей тишине раздался новый звук. Медленный, протяжный скрип по металлу. Существо приложило всю свою массу к дверному полотну. Металл жалобно застонал, прогибаясь внутрь.

И именно в этот момент Владимира обдало ледяным потом. Ужасная догадка парализовала разум.

Он вспомнил начало смены. Вспомнил тугой засов, застрявший на полпути в заржавевшем пазу. Ригель вошел в раму едва на пару миллиметров — ровно настолько, чтобы удержать легкий толчок руки, но не физический нажим извне.

От сильного давления снаружи тяжелая дверь вибрировала. Ржавый паз не выдержал нагрузку. Раздался сухой металлический треск. С глухим, звенящим ударом ригель соскочил с крайнего зацепа и со скрежетом выскочил из рамы.

Массивная стальная ручка медленно, под тяжестью чужого веса, опустилась вниз.

Засов был открыт.

Дверь со скрипом поддалась и плавно отворилась внутрь каморки.

Владимир в судорожном истощении щелкнул кнопкой фонаря. Яркий белый луч выхватил из темноты непроглядно черный, высокий силуэт, перешагивающий порог. Существо заполняло собой все пространство перед входом, впитывая свет фонаря, поглощая остатки разума и саму жизнь.

Последним, что увидел Владимир перед тем, как тьма полностью сомкнулась над ним, были длинные, тонкие руки, медленно и неторопливо тянущиеся к его лицу из распахнутого проема.

Холст цвета ночи

Закрытый аукцион проходил в малом зале старинного особняка на окраине города. Мероприятие не афишировалось, приглашения рассылались адресно. Публика собралась специфическая: седые коллекционеры антиквариата, цепкие перекупщики, любители чужих тайн. Распродавали имущество Вадима Волкова — высокопоставленного городского чиновника, бесследно исчезнувшего полгода назад.

Дело Волкова наделало много шума, обросло десятками городских легенд. Мужчина просто перестал существовать, находясь в собственном загородном доме-крепости. Охрана на высоких кованых воротах никого не видела, камеры наблюдения по периметру трехметрового забора не зафиксировали ни одного постороннего. Кабинет Волкова оказался заперт изнутри на ключ и массивную стальную задвижку. Когда полиция выломала дубовую дверь, внутри нашли только пустой стул, недопитый коньяк в хрустальном бокале и включенный ноутбук. Никаких следов борьбы, открытых окон, потайных ходов, отпечатков чужих обувных подошв. Человек испарился.

Максим пришел на аукцион из праздного любопытства, получив пригласительный через знакомого галериста. Он работал архитектором на удаленке, проектировал частные загородные дома, ценил строгий минимализм и искал необычную, акцентную деталь для своего нового домашнего кабинета. Старинные пузатые комоды, покрытые патиной брон-

зовые подсвечники и тяжеловесные пейзажи в золоченых рамах его категорически не интересовали. Он скучал, разглядывая лепнину на потолке зала.

Ведущий аукциона, сухощавый мужчина в безупречном строгом костюме, монотонно объявлял лоты. Торги шли вяло. Вещи Волкова несли на себе отпечаток мрачной тайны его исчезновения, отпугивая суеверных покупателей. очередным предметом стала картина.

— Лот номер сорок семь. «Ночной пейзаж». Холст, масло. Автор неизвестен, — сухо объявил ведущий, поправив очки.

Двое помощников в белых перчатках вынесли на сцену тяжелую деревянную раму. Внутри находился абсолютно черный квадрат. Густая, матовая краска покрывала холст плотным, непроницаемым слоем. Никаких оттенков, переходов света, скрытых силуэтов или фактурных мазков. Идеальная, поглощающая любой свет чернота. Пустота, заключенная в дерево.

По залу прокатился тихий шепоток разочарования. Кто-то усмехнулся.

— Стартовая цена — десять тысяч рублей, — продолжил ведущий, полностью игнорируя реакцию публики. — Для справки: данное полотно находилось в личном кабинете господина Волкова. Картина висела на стене прямо напротив его рабочего стола.

Максим поднял номерок. Идея мгновенно захватила его. Идеальный, глубокий черный цвет отлично впишется в его

стерильно-белый кабинет, создаст нужный контраст, станет визуальной воронкой для уставших глаз. Никто больше в зале не стал торговаться. Людям было некомфортно смотреть на этот лот. Через полчаса Максим оплатил покупку, завернул холст в плотную крафтовую бумагу, закрепил скотчем и отнес в багажник своей машины.

Рама оказалась неожиданно тяжелой. Дерево старое, мореное, покрытое сетью мельчайших трещин. Максим принес картину в квартиру на четвертом этаже, распаковал и сразу решил повесить.

Стол Максима стоял у окна. Он сидел спиной к улице, лицом к пустой идеально белой стене. Именно туда он вбил толстый дюбель, выверив расстояние рулеткой, и повесил черный холст. Центр картины находился точно на уровне его глаз.

Первые несколько дней Максим был абсолютно доволен покупкой. Черный квадрат действительно помогал сосредоточиться. Когда глаза воспалялись от яркого света двух мониторов и бесконечных линий чертежей, он переводил взгляд на матовую поверхность холста. Зрение отдыхало. Краска не бликовала даже при прямом свете. Она впитывала в себя электрический свет настольной лампы, оставаясь бездонной.

Изменения начались в конце рабочей недели.

Максим засиделся за сложным проектом до глубокой ночи. Заказчик, капризный бизнесмен, требовал перекроить

весь первый этаж, сроки поджимали. За окном хлестал холодный осенний дождь. В квартире стояла вязкая тишина, нарушаемая только монотонными щелчками компьютерной мыши и гудением процессора. Максим откинулся на спинку кресла, потер переносицу и вдруг почувствовал чужой взгляд.

Ощущение возникло мгновенно и было почти физически осязаемым. Тяжелое, давящее чувство. Максим замер. В пустой, запертой на два замка квартире кто-то пристально, не моргая, смотрел на него. Эпицентр этого внимания находился прямо перед ним. На белой стене. Внутри черного квадрата.

Максим встряхнул головой. Переутомление. Он выпил третью чашку крепкого кофе за вечер и снова уставился в монитор. Спустя десять минут чувство чужого присутствия усилилось. К нему добавилось странное оптическое искажение.

Боковым зрением Максим уловил движение.

Он резко перевел взгляд на картину. Идеально ровная, гладкая черная поверхность. Максим вернулся к чертежам. Спустя минуту периферийное зрение снова зафиксировало аномалию. По матовой черноте холста пробежала легкая рябь. Концентрические круги, расходящиеся от центра к краям деревянной рамы. Поверхность дрогнула, нарушая законы физики. Твердая засохшая краска вела себя как потревоженная гладь темного лесного озера.

Максим встал. Подошел вплотную к стене. В нос ударил едва уловимый, странный запах. Пахло не старой пылью и не деревом. Пахло сырым бетоном, озоном и застоявшейся водой. Подвальная сырость. Он провел рукой по холсту. Поверхность оставалась шершавой, твердой и неестественно холодной.

Утром при дневном свете наваждение пропало. Холст снова стал обычным предметом интерьера. Максим списал ночное происшествие на усталость и оптическую иллюзию от яркой лампы. Он умылся ледяной водой и сел работать.

Следующие три дня превратились в непрерывный марафон. Заказчик свирепствовал, внося правки каждый час. Максим почти не выходил из кабинета, питался остывшей пищей из доставки и спал по три-четыре часа, не раздеваясь, прямо на диване в гостиной.

Ощущение чужого, неотрывного взгляда теперь преследовало его постоянно. Днем оно было слабее, приглушалось солнечным светом и шумом улицы за окном. Но стоило сумеркам опуститься на город, давление в кабинете возрастало. Взгляд становился осязаемым. Он сверлил затылок, когда Максим отворачивался за кофе, и давил на лоб, когда он смотрел в монитор.

В ночь на вторник рябь на картине стала постоянной.

Максим больше не сомневался в своем зрении. Он сидел в кресле, сжимая в руке остывшую кружку, и смотрел прямо на черный квадрат. Поверхность холста жила своей жизнью.

По ней пробегали волны. Мелкая, нервная дрожь сменялась глубокими, плавными перекатами. Чернота дышала.

Максим поставил кружку на стол. Сердце тяжело бухало в груди, отдаваясь в висках. Здравый смысл приказывал встать, снять эту дрянь со стены и выкинуть на лестничную клетку. Любопытство, смешанное с липким, первобытным страхом, приковывало его к креслу.

Он открыл новую вкладку в браузере и вбил в поисковик имя Вадима Волкова. Он потратил несколько часов на скрупулезное изучение старых новостных сводок, криминальных хроник и желтой прессы.

Официальная версия следствия оставалась неизменной: чиновник сбежал за границу с крупной суммой наличных, гениально инсценировав загадочное исчезновение в запертой комнате. Но на одном из закрытых форумов, в архиве полугодовой давности, Максим наткнулся на большое интервью бывшей домработницы Волкова, Валентины. Текст изобиловал подробностями, которые никогда бы не попали в официальные протоколы.

Женщина рассказывала пугающие вещи. Последние два месяца перед исчезновением Волков сильно изменился. Он осунулся, перестал ездить в администрацию, отменил все личные встречи. Он заперся в своем кабинете на первом этаже. Требовал оставлять подносы с едой у двери. Валентина утверждала, что в доме стало невыносимо холодно, особенно рядом с кабинетом хозяина. Батареи работали на полную

мощность, но холод пробирал до костей.

Волков часами разговаривал сам с собой. Иногда его голос срывался на истеричный крик, иногда переходил в умоляющий шепот. Домработница несколько раз слышала звук рвущейся ткани и глухие удары в стену. А за неделю до пропажи Волков приказал рабочим заколотить окна в кабинете толстыми листами фанеры, поверх бронированных стекол. Он кричал, что свет делает «это» сильнее. Он жаловался, что «они» уже нащупали дно и скоро всплывут.

Последняя фраза в интервью заставила Максима похолодеть.

«Я зашла убрать поднос, дверь была приоткрыта. Вадим Сергеевич сидел за столом, в зимнем пальто. Он не смотрел на меня. Он смотрел на эту черную картину на стене. И плакал. А по картине шли волны, настоящие волны, клянусь богом. Там внутри кто-то барахтался».

Максим захлопнул крышку ноутбука. В кабинете повисла абсолютная, звенящая тишина.

Воздух стал ледяным. Из рта при выдохе вырвалось облачко белого пара.

Максим медленно поднял голову.

Рябь на картине изменилась. Это больше не были абстрактные круги на воде. Ткань холста натянулась в центре. Из-под густого слоя матовой краски начала проступать форма. Объемная, выпуклая деформация.

Кто-то медленно, с усилием давил на холст изнутри.

Максим вскочил с кресла. Он схватил с дивана плотный шерстяной плед, шагнул к стене и резким движением накинул его на картину, закрыв массивную раму целиком. Плед надежно скрыл черную поверхность. Максим отступил назад, тяжело дыша.

Он простоял так десять минут, вслушиваясь в тишину. Ничего не происходило. Температура в комнате перестала падать. Максим заставил себя сесть за стол, открыл ноутбук и попытался сосредоточиться на работе. Ему нужно было доделать чертеж фундамента до утра. Рациональная часть мозга отчаянно цеплялась за цифры и линии, блокируя панику.

В тишине кабинета раздался звук.

Тихий, влажный шорох. Шуршание.

Звук доносился со стороны стены. Из-под пледа. Звук имел четкий, осмысленный ритм. Кто-то медленно проводил ладонью по внутренней стороне холста. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Изучая преграду.

Затем раздался глухой стук. Ткань пледа резко дернулась.

Максим отъехал на кресле назад, больно ударившись спиной о подоконник. Плед пополз вниз. Шерсть цеплялась за углы рамы, растягивалась, пока с мягким стуком не упала на ламинат.

Картина открылась.

Холст выгнулся дугой. В центре картины образовалась огромная, тугая выпуклость. Краска не трескалась, она демонстрировала невозможную эластичность, растягиваясь

вслед за невидимой силой. В центре вырисовывался силуэт лица. Надбровные дуги, глубокие провалы глазниц, острый угол носа. Существо продавливало преграду, пытаясь прорвать тонкую границу между своим темным измерением и реальностью.

Максим выбежал из кабинета, захлопнул дверь и провернул ключ в замке до упора. Он заперся в спальне. До самого рассвета он сидел на полу, прижавшись спиной к батарее, сжимая в руке металлическую ложку для обуви — единственное оружие, попавшееся под руку. Ему постоянно казалось, что из-за запертой двери кабинета доносится тихое, сиплое дыхание и звук царапающих ногтей.

Утром солнечный свет проник сквозь жалюзи. Страх немного отступил, сменившись холодной, пульсирующей злостью. Максим принял решение. Он снимет картину, отнесет ее на пустырь за гаражами, разобьет раму кувалдой, обольет бензином и сожжет дотла.

Он открыл замок, толкнул дверь кабинета.

Комната выглядела совершенно обычно. Никакого холода. На полу лежал скинутый ночью плед. На стене висел черный квадрат. Идеально плоский. Никакой ряби, никаких лиц.

Максим подошел к картине. Он протянул руки к краям массивной рамы, собираясь снять ее с толстого дюбеля. Пальцы крепко обхватили морщинистое дерево. Максим потянул вверх.

Рама не сдвинулась ни на миллиметр.

Он дернул сильнее, упираясь ногами в пол. Металлическая струна на обратной стороне не поддавалась. Картина стала единым целым с бетонной стеной. Максим обхватил раму снизу, попытался раскачать ее. Бесполезно. Она вросла в обои, намертво сцепившись с конструкцией дома.

Максим бросился на кухню. Он выпотрошил ящик с инструментами, нашел тяжелый молоток с прорезиненной ручкой и широкую плоскую отвертку. Вернулся в кабинет. Приставил жало отвертки к щели между рамой и стеной, размахнулся и ударил молотком.

Отвертка отскочила, звякнув о стену. Дерево рамы оказалось прочнее стали. На нем не осталось даже царапины.

Максим перевел взгляд на сам холст. Ярость окончательно вытеснила страх. Он занес молоток над головой и с неистовой силой ударил в самый центр черного квадрата, намереваясь прорвать ткань.

Удар вышел глухим, чавкающим. Молоток резко отскочил назад, едва не вывихнув Максиму кисть. На холсте не появилось ни прорехи, ни трещины. Черная матовая краска полностью поглотила кинетическую энергию удара. Поверхность лишь слегка завибрировала, пустив мелкую рябь, и снова застыла.

Остаток дня Максим провел в состоянии лихорадочного, парализующего оцепенения. Он не мог уйти из квартиры. Иррациональный страх пригвоздил его к месту. Он сидел на

полу в коридоре, глядя на приоткрытую дверь кабинета. Наступил вечер. Тени удлинились, сливаясь в единую, плотную темноту.

Включить свет Максим не решился. Тишина в квартире стала давящей, тяжелой. Воздух приобрел вязкость.

В полночь из кабинета потянуло замогильным холодом. Температура упала мгновенно. Воздух пропитался густым запахом сырой земли, высохшего лака и стоячей воды.

Максим медленно поднялся с пола. Мышцы затекли, ноги слушались плохо. Он шагнул в кабинет.

Сквозь окно, по стеклу которого хлестал дождь, падал тусклый, холодный свет уличного фонаря. Комната тонула в темно-серых и синих тенях. Стол, ноутбук, стакан с ручками, брошенный на пол плед — все выглядело обесцвеченным.

Максим перевел взгляд на стену.

Существо почти выбралось.

Холст вытянулся в комнату на добрые полметра. Черная, эластичная материя натянулась до предела, облекая жуткий, невероятно детализированный рельеф.

В центре картины сформировалось лицо. Оно застыло в маске запредельного, нечеловеческого вопля. Широко распахнутый рот кричал в абсолютной тишине. Глубокие впадины глазниц, острые скулы, напряженные сухожилия на шее.

По бокам от лица из холста выпирали две руки. Существо уперлось ладонями в невидимую преграду изнутри, отчаянно пытаясь разорвать ее. Длинные, узкие пальцы были ши-

роко расставлены. Ткань обтягивала каждый палец, каждую фалангу.

В тусклом свете кабинет казался декорацией к ночному кошмару. Серый свет из окна падал на рабочий стол с остывшим кофе и раскрытым ноутбуком. Рядом валялось опрокинутое офисное кресло. На стене, заключённое в тяжелую раму, застыло рвущееся в реальность нечто, впечатанное в матовый черный материал.

Максим стоял в дверях, не в силах оторвать взгляд от распахнутого, кричащего рта на картине. В кабинете раздался громкий, трескучий звук. Хруст рвущихся нитей.

Существо сделало рывок.

Лицо выдвинулось еще дальше. Черный материал истончился. На кончиках пальцев, с силой давящих на холст, краска начала трескаться, обнажая нечто серое, пульсирующее и живое.

Максима охватил животный ужас. Инстинкт самосохранения вывел его из ступора. Он бросился к столу, перепрыгнув через поваленное кресло. На столешнице, рядом с подставкой для карандашей, лежал тяжелый строительный нож с широким, острым лезвием. Максим использовал его для резки плотного картона при макетировании.

Пальцы судорожно сомкнулись на ребристой пластиковой рукоятке. Максим выдвинул лезвие до упора, с щелчком зафиксировав замок.

Из картины донесся свистящий выдох. Воздух в кабинете

стал ледяным. Ткань на кончике носа твари лопнула.

— Нет, — прохрипел Максим срывающимся голосом.

Он шагнул вперед, занес нож над головой и с неистовой силой, вкладывая весь свой вес, ударил в самый центр выпуклого черного лица, прямо в искаженный криком рот.

Стальное лезвие вошло в холст.

Максим ожидал услышать звук рвущейся ткани. Хруст картона. Скрежет лезвия о дерево.

Вместо этого раздался влажный, тяжелый звук. Лезвие беспрепятственно погрузилось в плотную, ледяную массу. Нож вошел глубоко, по самую рукоять. Пальцы Максима ощутили исходящий из разреза могильный холод и мощную, ритмичную пульсацию. Существо содрогнулось.

В ту же секунду желтый свет уличного фонаря за окном погас.

Кабинет погрузился в абсолютную, непроницаемую темноту. Максима ударило в грудь невидимой, бетонной плитой. Воздух мгновенно исчез из легких. Он открыл рот в немом крике, но звук утонул в глухой, ватной пустоте.

Из разреза в холсте вырвалась длинная, ледяная кисть с острыми когтями. Она намертво сомкнулась на запястье Максима. Вторая рука обхватила его за горло.

Невероятная сила рванула его вперед. Прямо в непроглядную, пульсирующую черноту.

Тьма поглотила все.

Денис приехал к Максиму в субботу утром. Они догово-

ривались встретиться в пятницу вечером в баре, выпить пива и обсудить планы на предстоящие выходные. Максим не пришел. На звонки он не отвечал, длинные гудки обрывались автоответчиком, а сообщения в мессенджере оставались непрочитанными со среды.

У Дениса были запасные ключи от квартиры друга. Максим часто уезжал в долгие командировки на объекты в область и просил заходить, поливать цветы и проверять почту.

Денис поднялся на четвертый этаж, позвонил в дверь. Подождал пару минут. Тишина. Он достал связку ключей, вставил длинный ключ в верхний замок. Два оборота. Нижний замок открылся одним легким поворотом. Дверь не была заперта изнутри на задвижку.

— Макс? Ты живой вообще? — громко спросил Денис, переступая порог.

В квартире пахло свежестью и старым, выдохшимся кофе. На вешалке висела легкая куртка Максима. На обувной полке аккуратно стояли его повседневные кроссовки.

Денис прошел на кухню. Пусто. В раковине лежала чистая тарелка. Он заглянул в спальню — кровать заправлена, на тумбочке лежит раскрытая книга.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Денис толкнул ее рукой.

Яркий утренний свет заливал комнату сквозь широкое, чистое окно. На подоконнике грелся в лучах осеннего солнца кактус. Рабочий стол стоял на своем обычном месте. На

столешнице царил идеальный порядок: стопка распечатанных чертежей, закрытый ноутбук, стакан с ручками. Рядом стояла белая чашка с давно остывшим, покрывшимся плотной коричневой пленкой кофе. Кресло ровно задвинуто под стол.

Никаких следов погрома. Никаких следов борьбы, крови или беспорядка.

— Макс, ну хорош прятаться, — пробормотал Денис, оглядывая пустой светлый кабинет.

Его взгляд скользнул по стенам и остановился на картине. В массивной деревянной раме был заключен идеально ровный, гладкий черный холст. Матовая краска поглощала солнечный свет, создавая на белой стене ровный темный провал.

Денис подошел к столу, намереваясь проверить ноутбук. Возможно, друг уехал в срочную командировку и оставил записку в текстовом файле. Он положил руку на мышку, пробуждая экран. Ноутбук потребовал пароль.

Денис вздохнул, убрал руку от стола и начал разворачиваться к выходу.

В этот момент периферийным зрением он уловил движение.

Оно произошло прямо за его спиной, на стене. Едва заметное, мягкое колебание пространства. Денис резко обернулся, впившись взглядом в черный холст.

Картина висела абсолютно неподвижно. Идеально глад-

кая, матовая поверхность. Никаких бликов, никаких искажений. Светлая пылинка медленно проплыла в луче солнца на фоне черной краски.

Денис нахмурился и потер переносицу. Вчерашняя рабочая смена давала о себе знать, глаза устали. Он еще раз внимательно осмотрел пустой кабинет, заглянул за шкаф, убедился, что Максима здесь точно нет, и направился к выходу.

— Ну и черт с тобой, — вслух сказал Денис в пустой квартире. — Объявишься — сам позвонишь.

Он вышел в коридор и плотно прикрыл за собой дверь кабинета. Замок входной двери щелкнул, отсекая квартиру от лестничной клетки. Шаги Дениса стихли на лестнице.

В кабинете повисла мертвая, нерушимая тишина. На столе продолжал сохнуть кофе. Солнечный луч медленно полз по паркету, подбираясь к стене.

По центру черного полотна пробежала мелкая рябь.

Краска дрогнула. Ткань медленно, с тягучим, едва слышимым скрипом потянулась вперед. Из бездонной глубины холста, с усилием продавливая плотную матовую черноту, начал проступать объемный рельеф.

Сначала обозначились острые скулы, затем глубокие провалы глазниц и переносица. Черный материал натянулся до предела, облекая искаженные мукой черты. Рот был широко распахнут в бесконечном, беззвучном крике. Мышцы свело от невыносимого ужаса. По бокам от выпирающего лица в холст изнутри впились длинные, узкие пальцы, тщетно пы-

тающиеся разорвать преграду.

Черты лица в точности повторяли лицо Максима.

Он беззвучно кричал в пустом кабинете, запертый внутри картины, ожидая следующего покупателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.